

Известия - 1998 - 15 мая - с. 6.

«Семь Симеонов» угнали самолет.

Но фильм Дениса не об этом

У фильмов Дениса Евстигнеева странные имена. Не похожие на их автора. С его обликом столичного баловня судьбы никак не сочетается название его первой картины — «Лимита». Потом был «Русский проект» на ОРТ, и эти глобальные претензии тоже на первый взгляд далеки от Евстигнеева, лишенного какой бы то ни было гигантомании. Сейчас он начинает новый фильм с самым простым и сентиментальным названием «Мама».

— Мне оно очень нравится. Оно подходит к истории, которую хочу рассказать, оно международное и на всех языках пишется одинаково.

Когда интересуются, о чем будущий фильм, в ответ спрашиваю: «Помните семью Овечкиных? Ансамбль «Семь Симеонов»? Тех, кто в 1988-м угнал самолет? Так вот, наш фильм не про них».

— До злосчастной попытки угона самолета эта иркутская семья прославилась на всю страну. Семейный музыкальный ансамбль выступал на лучших сценах СССР, даже, кажется, в Кремле. Был и фильм рижского документалиста Герца Франка «Семь Симеонов». Потом Франк снял еще один фильм об Овечкиных, точнее, о тех, кто остался в живых после той страшной истории. Остатки семьи разбросало по тюрьмам России. Вы не пытались узнать их дальнейшую судьбу?

— Кажется, они уже вышли из тюрьмы. Меня принципиально не интересовала эта конкретная история, будущий фильм — не летопись событий. Они просто стали поводом для рассказа о том, как мать шестерых детей возвращается из тюрьмы в сегодняшнюю жизнь. Одинокая, несчастная женщина пытается собрать разбросанных по стране сыновей. Один — на Дальнем Востоке, другой — в Таджикистане, третий — где-то у Черного моря, четвертый — шахтер на Украине... И вот мать их собирает, чтобы попытаться снова создать семью, вернуть те чувства, которые они испытывали много лет назад. Повторяю, мы взяли только коллизию, все нюансы придуманы нами.

— Как, на ваш взгляд, соотносятся сюжеты жизни с тем, что сконструировано художником?

— Нельзя просто проецировать жизнь в игровое кино — будет скучно. Здесь мир неизбежно как бы приподнят, он словно на пандусе, выстроенном режиссером. И обязательно плюсы, которые режиссер сознательно добавляет к жизненной правде. Реалистической должна оставаться только правда взаимоотношений между людьми, а фактура, детали могут быть придуманы. Кино вообще — обман, оно создает живую плоть из вымысла. Это главный вопрос для кино — как обмануть зрителя. И как заставить его поверить.

— После коротких эссе «Русского проекта» вы взялись за нечто эпическое. «Мама», как я понимаю, — кинороман?

— Мне хотелось показать огромную, пусть и распавшуюся на мелкие кусочки страну. Вообще наши

Денис Евстигнеев (справа) на съемках ролика «Русского проекта» влюбился в Нонну Мордюкову.

судьбы во многом запрограммированы этой огромностью территории, этом климатом. Если Россия и отличается чем-то особенным, то именно судьбами ее людей. В том числе и судьбой нашей героини. Ее силой, ее душевностью, ее бесшабашностью.

— Наверно, самое время сказать о том, что сценарий написан на конкретную актрису?

— Сама идея родилась после того, как на «Русском проекте» я познакомился с Нонной Викторовной Мордюковой. Она меня потрясла. Я никогда не встречал актрису, которая могла бы так органично и тонко соединять значительность, величие, невероятную энергетику с абсолютной естественностью и простотой. Мне очень хотелось работать с ней дальше. Так вспомнилась история «Семи Симеонов», появился драматург Ариф Алиев — один из авторов сценария фильма «Кавказский пленник». Но у истоков нашего проекта Мордюкова.

— Сценарий ей понравился?

— Она отнеслась к нему как творческий человек. Сценарий — живое дело, его нужно и можно совершенствовать. И мы будем работать, пока он не покажется ей удобным.

— Может ли так случиться, что персонажи «Русского проекта» когда-нибудь снова заинтересуют вас, но из полуторжественных клипов переместятся в большие фильмы?

— Так ведь это и произошло. Импульс к фильму возник именно там, на рельсах, в эпизоде, где героиня Мордюковой сорилась, а потом мирилась с героиней Риммы Марковой. Вообще ничего не бывало просто так. Все жизненные со-

бытия оставляют после себя «крючки», которые потом «цепляют» снова и снова.

— Какова география съемок?

— Они начнутся уже в конце февраля и продлятся до начала июля. Самая путающая и непонятная точка на карте — Диксон. Ловлю себя на том, что в телепрогнозах погоды вылавливаю это название. Дальше — юг Узбекистана. Вероятно, Ростов-на-Дону — ему придется изобразить Украину. На Украину реальную выехать нереально — нужно платить невероятные пошлины за ввоз съемочной аппаратуры. Еще будем снимать в Кронштадте, а сибирскую натуру, скорее всего, — в Твери.

— Во многих советских картинах Сибирь снимали отчего-то именно под Тверью.

— Недавно Эрик Вайсберг, работавший директором картины еще на «Сибириаде», повез меня под Тверь, в те места, где когда-то снимал ее Кончаловский. Это фантастические места. Грандиозные реки, сосны, острова. Я никогда не был в тайге, но это лучше, чем мое представление о ней.

— Эпос снимать теперь трудно — дорого...

— Картина делается с государственной поддержкой. Она должна быть высочайшего технического качества. Хочу, чтобы мы наконец вышли из эстетики «малобюджетности». Ничего против «малобюджетников» не имею, но надо же нам переходить на качественное изображение и звук, которые свойственны современному кино! Вот почему мы используем дорогостоящую систему Panavision, на которой только что снимал «Сибирского цирюльника» Никита Михалков.

— Что это такое?

— То, что в свое время искренне ненавидели все операторы советского кино, — широкий экран. Сейчас мир к нему вернулся на новом техническом витке. Современная оптика придает кадру размах и объем. Размер кадра становится сильным художественным средством.

— Кто еще входит в команду?

— Снимать картину будет мой коллега по «Лимите» и «Русскому проекту» Сергей Козлов. Недавно он работал с Кончаловским на «Одиссее» — самом дорогом телефильме в мировой истории. Художник Владимир Аронин — он только что закончил труднейшую работу с Никитой Михалковым и перешел к нам, не отдохнув ни дня. Хотя у нас объем для художника нешуточный — с большим строительством, со множеством постановочных объектов. Что касается актеров на роли сыновей главной героини — мне хотелось бы видеть Владимира Машкова, Евгения Миронова, Олега Меньшикова... Обязательно будут и новые имена.

— Постепенно ваше поколение становится самым активно работающим в кино. Что его объединяет?

— Я ничего не знаю о нынешнем поколении. Знаю, что если еще недавно в кино и на ТВ было больше «понтов», то теперь появились люди, которые занялись делом. Это меня радует. Я готов как угодно группироваться с этими людьми. Пусть впоследствии их назовут поколением — я был бы счастлив, если бы меня причислили к такому поколению.

Александр КОЛБОВСКИЙ.